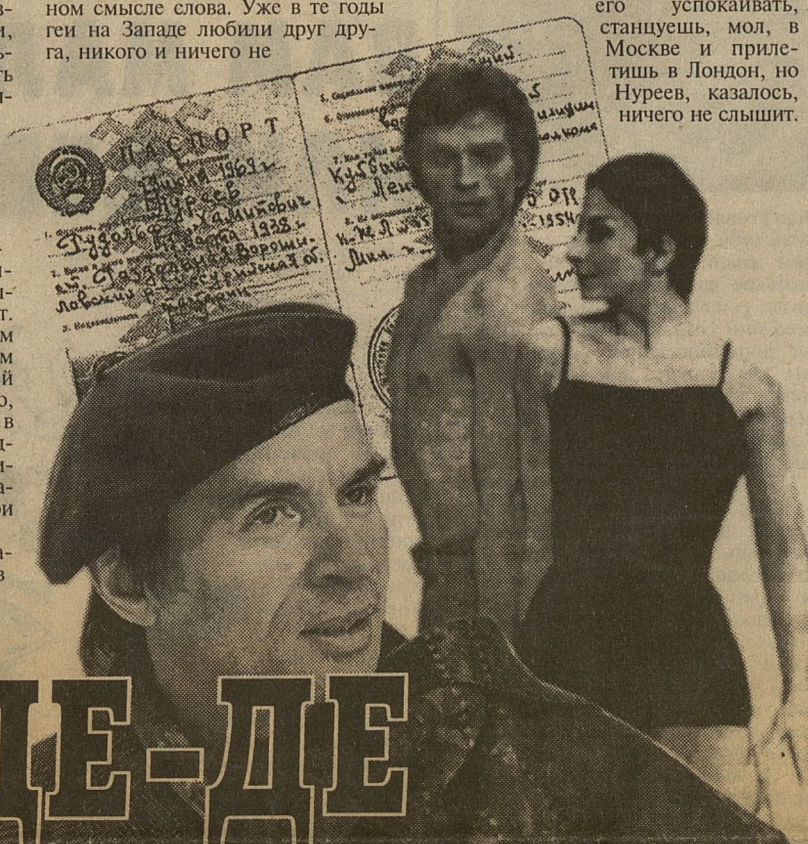
24.10.98.

Нуреев Рудольф Хамитович

Борис Сопельняк

ПА-ДЕ-ДЕ С ВСЕСИЛЬНЫМ КГБ



Эта трагическая история, полная трусливой лжи, мерзких оговоров, низкой клеветы, глупой самоуверенности и абсолютной бездарности работников спецслужб, началась в июне 1961-го и закончилась в июле 1998 года.

Передо мной заключение по материалам уголовного дела, архивный № 50888, утвержденное старшим помощником Генерального прокурора Российской Федерации Г.Ф.Весновской. Касается оно бывшего артиста Ленинградского театра оперы и балета им.Кирова Рудольфа Хамитовича Нуреева. И хотя этот документ не так уж и велик, читать его будем по частям, ибо в каждой из них звучит голос эпохи - той, когда уверенные в своей безнаказанности вожди, секретари, председатели и всякого рода начальники и начальнички могли делать что угодно и где угодно, и нынешней - когда, что бы ни говорили, во главу угла ставятся закон и право.

Итак, первая часть этого жестокого и, не боюсь этого слова, бесчеловечного документа.

"Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 2 апреля 1962 года Нуреев Р.Х. по ст. 64 "а" УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР осужден к 7 годам лишения свободы с конфискацией имущества по обвинению в том, что, находясь в гастрольной поездке в составе балетной труппы Ленинградского театра оперы и балета им.Кирова во Франции, отказался возвратиться из-за границы в СССР при следующих обстоятельствах.

16 июня 1961 года по окончании гастролей в Париже Нуреев вместе с труппой прибыл в аэропорт, чтобы лететь в Лондон. Перед посадкой в самолет директор театра сообщил Нурееву, что по указанию Министерства культуры СССР ему надлежит убыть в Москву для участия в концертных выступлениях, в связи с чем его вылет в Лондон отменяется.

Вместо выполнения этого распоряжения Нуреев обратился к французским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища и от возвращения в Советский Союз в беседе с представителями посольства и руководителем труппы отказался. Отказ Нуреева возвратиться в СССР был использован буржуазной прессой для клеветнической кампании, чем нанесен значительный ущерб интересам Советского Союза.

Факт отказа Нуреева возвратиться в СССР доказан материалами дела".

Такой факт действительно доказан. Но что предшествовало решению Нуреева не возвращаться в Советский Союз? Чем оно вызвано? Не подтолкнул ли его кто-то и не было ли примитивной провокации? Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, Управление КГБ по Ленинградской области возбудило уголовное дело, которое принял к своему производству капитан Валдайцев. А обвинялся Рудольф Нуреев ни много ни мало в измене Родине, и в постановлении об избрании меры пресечения в случае его появления на территории Советского Союза предписывалось подвергнуть Нуреева заключению под стражу. Так что ситуация была далеко не шуточной, а за измену Родине, в соответствии со статьей 64 "а", Нуреева ждал смертный приговор.

"АРТИСТ БАЛЕТА ПРЫГАЕТ К СВОБОДЕ"

Под таким заголовком десятка два газет, разумеется, западных, рассказали тогда о совершенно неожиданном поступке Нуреева. На самом же деле никаких прыжков не было, ни о какой свободе он не думал и руководствовался только одним - страхом, жутким страхом оказаться в лапах КГБ. И хотя на дворе была так называемая оттепель, Рудольф прекрасно понимал, что означает изменение его маршрута, что в лучшем случае его ждет увольнение из театра, а в худшем - тюремная камера, ведь от статьи 121-й ему не отвертеться, а это лишение свободы на срок до пяти лет. Так что выбирал он свободу не в политическом, а в чисто физическом смысле слова - он не хотел жить за решеткой. Не будем лукавить, оставаясь на Западе, Нуреев выбирал и другую свободу - свободу общаться с кем угодно и сколько угодно, причем в чисто сексуальном смысле слова. Уже в те годы геи на Западе любили друг друга, никого и ничего не опасаясь, а в Советском Союзе специально для них существовала 121-я статья Уголовного кодекса РСФСР.

А теперь - о бездарнейшей операции, организованной зажиревшими от безделья, бесконтрольности и самоуверенности кагэбэшниками. Началась она 15 июня 1961 года, когда в посольство СССР во Франции вызвали директора театра Георгия Коркина и сотрудника КГБ Виталия Стрижевского, который числился заместителем руководителя гастрольной поездки.

Вот что рассказал об этом следователю сам Коркин.

- Гастроли в Париже заканчивались 15 июня, а 16-го утром мы должны были вылететь в Лондон. И вдруг в последний день пребывания во Франции ни свет ни заря меня вызвали в посольство. Именно вызвали, а не пригласили! Вместе со мной затребовали и Стрижевского. Примчались, ждем... Я-то думал, что будут хвалить за успешные выступления, а нам объявили, что есть решение Москвы (именно так и сказали - Москвы, а не министра культуры или кого-либо еще) о немедленном откомандировании Рудольфа Нуреева в Советский Союз. Я пытался возражать, говорил, что Нуреев блестяще танцевал в Париже, что о нем писали все французские газеты, что его с нетерпением ждут в Лондоне, что его отсутствие скажется на выступлениях всей труппы, но мне в категорической форме заявили, что это решение окончательное и обсуждению не подлежит.

- И как вы действовали?

- Так, как мне велели. А сценарий, должен вам сказать, был довольно странный: мне было предложено объявить об этом решении в аэропорту в тот момент, когда вся труппа будет проходить паспортный контроль перед посадкой на лондонский самолет. Я считал, что это неразумно, что это не только повергнет в шок самого Нуреева, но и может вызвать международный скандал - ведь вокруг огромное количество иностранцев и мы не в "Шереметьеве", а в "Ле-Бурже". Но меня никто не слушал.

Рано утром вся труппа отправила свой багаж на лондонский рейс, среди прочих были и чемоданы Нуреева.

Перед выходом на летное поле я вызвал Нуреева из очереди и сказал, что его срочно отзывают в Москву для участия в очень важном концерте. С ним летят один из администраторов, переводчица и двое рабочих сцены. "Этого не может быть!" - воскликнул Нуреев. Ему сразу сделалось плохо, он сильно побледнел, ослаб и едва не упал. Подбежали наши люди, стали его успокаивать, станцуешь, мол, в Москве и прилетишь в Лондон, но Нуреев, казалось, ничего не слышит.

- Да-да, его состояние было близко к обморочному, - подтвердил Виталий Стрижевский. - Потом он пришел в себя, говорил, что не хочет в Москву, что хочет быть с труппой и должен выступать в Лондоне. Мы просили его взять себя в руки, понять, что Москва есть Москва и мы ничего сделать не можем, что концерт в столице очень представительный, что билет на рейс Москва - Лондон для него уже заказан... На какое-то мгновение он в это поверил, стал сетовать, что его костюмы улетают в Лондон и в Москве ему не в чем будет танцевать.

Мы зашли в кафе, заказали кофе, но Нуреев пить отказался. Он был страшно взвинчен и нервозен, поэтому мы не спускали с него глаз. И вдруг в кафе появилась Клара Сэн! Нуреев вскочил и побежал к ней.

- Кто такая Клара Сэн? - уточнил следователь.

- Его поклонница, - ответил Стрижевский. - Молодая, красивая девушка, по слухам, дочь чилийского миллионера. Она не отходила от Нуреева чуть ли не с первого дня гастролей. Мы считали, что именно из-за нее он пропадает по ночам и в гостиницу возвращается под утро.

- После того как Нуреев поговорил с Кларой, он вернулся к нам и присел на подлокотник кресла, - продолжал Стрижевский. - Клара куда-то ушла, но вскоре снова вернулась. Нуреев опять подбежал к ней, о чем-то коротко поговорил, вернулся и как-то весь сжался. Я спросил, что с ним, почему на нем лица нет? Он молчал. А потом вдруг вскочил и быстро двинулся из кафе. Я - за ним. "Куда ты? - спросил я. - Вернись. Скоро самолет на Москву". Он пробормотал что-то нечленораздельное, из чего я понял только то, что он что-то решил, что его решение окончательное и бесповоротное и он его не изменит.

О каком решении шла речь, я так и не понял, тем более что откуда-то появилось шестеро полицейских в форме, один в штатском, они скрутили мне руки и оттеснили от Нуреева. Воспользовавшись этим моментом, Нуреев исчез в одной из многочисленных комнат. Мы с работником посольства Романовым пошли туда же, заявили протест и позвонили в наше посольство. Вскоре приехал советский консул и нам дали возможность поговорить с Нуреевым. Мы умоляли его одуматься, объясняли, что его поступок не что иное, как измена Родине, что он наносит непоправимый ущерб театру, родственникам и самому себе, что он просто-напросто губит свою жизнь. Но Нуреев, как заведенный, твердил, что в СССР возвращаться не желает.

Итак... дело сделано. Рудольфа Нуреева спровоцировали на впоследствии оказавшийся трагическим поступок. Французские газеты захлебывались от восторга, рассказывая о "прыжке артиста к свободе", о его баснословном контракте с труппой де Кюэваса, который подписала лично маркиза де Кюэвас-Рокфеллер, о его успехе в первом же спектакле труппы.

В довольно сложном положении оказались советские дипломаты. Они писали ноты, заявляли протесты, давали лживые интервью, но успокоить мировую общественность не удавалось еще довольно долго. Само собой разумеется, копии этих материалов немедленно отправлялись в Москву. Один из них, своеобразный отчет первого секретаря посольства СССР во Франции М.Ф.Клейменова, представляет несомненный интерес.

"Вскоре после прибытия в Париж Ленинградской балетной труппы в театральных и газетных кругах стали ходить слухи о том, что один из главных артистов труппы Нуреев (азиатик, как его называли в этих кругах) недоволен своей жизнью и подумывает о невозвращении на Родину. Эти слухи привели к тому, что на него началась подлинная охота с целью убедить его остаться во Франции.

Искусителями при этом руководили разные мотивы. Парижские газеты сообщили по этому поводу много неверных сведений вроде романа Нуреева с француженкой или даже англичанкой. На самом деле погоня за Нуреевым шла по трем линиям, причем ни одна из них не имела политической окраски.

В результате этой обработки Нуреев внутренне созрел для измены, но продолжал колебаться. План побега, который разработали представители всех трех "линий нажима", мог лопнуть в мгновение ока, так как Нуреев все еще не принял окончательного решения. Локотт утверждает, что не будь "счастливого обстоятельства", то есть неожиданно объявленного решения о возвращении Нуреева в Советский Союз, побег вряд ли бы состоялся. Об этом же говорил и Нуреев корреспонденту одной из газет. "Я в одно мгновение понял свое положение: если вернусь, меня уже никогда не выпустят за границу. Выбора у меня не было. И я принял решение остаться".

По мнению известного в парижских артистических кругах Сержа Лифаря, своим поступком Нуреев погубил себя как артиста. Ни в Европе, ни в Америке он не найдет труппы, достойной его. А без твердой руки балетмейстера, без коллективной дисциплины он быстро распустится и также быстро увянет.

Судя по всему, отдает себе отчет в этом и сам Нуреев. По рассказам лиц, общавшихся с ним, в течение первых семи-восьми дней после бегства он находился в подавленном состоянии и к нему дважды вызывали врача. Репетиции, а затем торжественная обстановка выступления 23 июня в "Спящей красавице" несколько подбодрили его, но уже после третьего акта с ним приключился нервный припадок.

Нуреев высказывает недовольство своими партнерами, порядками в труппе и т.п. Он с нетерпением ждет возможности поехать в Америку, где, как он продолжает верить, его будут на руках носить.

Что касается балетной карьеры, то Нуреева носили на руках и в прямом, и в переносном смысле. Не было проблем и с деньгами - гонорары Нуреева достигли столь неправдоподобных величин, что он стал приобретать не только квартиры, картины, дворцы и ранчо, но даже целые острова. А вот в личной жизни счастья не было. Его любовники были один корыстолюбивее другого, к тому же изменяли ему направо и налево. Нуреев переживал, расстраивался, искал утешения в дешевых притонах - и в конце концов подхватил СПИД. О том, что это СПИД, Нуреев понял далеко не сразу, хотя все признаки были налицо: он заметно похудел, стал страдать выпадением памяти, терять сознание...

Лишь через четыре года врачи установили диагноз. Когда Нуреев понял, что за беда на него свалилась, он не впал в отчаяние и не сложил руки. Лечился он довольно своеобразно - изматывающим до потери пульса трудом. Он много танцевал, ставил спектакли, дирижировал оркестрами, мотался по всему свету и... жил. Врачи недоумевали: обычно вирус иммунодефицита расправляется с жертвой за год-два, а Нуреев сражался с ним восемь лет!

Как видите, проблем и забот у Рудольфа было предостаточно, и его совершенно не интересовала кагэбэшная возня вокруг его имени. Но машина репрессий была запущена, против Нуреева возбудили уголовное дело об измене Родине, а 2 апреля 1962 года состоялся суд. Суд как суд, с допросом свидетелей, выступлениями сторон и т.п. Но вот что знаменательно: даже представитель обвинения прокурор Ронжин нашел смягчающие вину обстоятельства. Вот что он, в частности, сказал:

- При вынесении приговора прошу учесть, что Нуреев молод, неопытен, имеет неуравновешенный характер. Со стороны наших работников были допущены неправильности при сообщении ему о вылете в Москву. Прошу определить ему минимальное наказание.

Суд все это учел и, как мы уже знаем, приговорил Нуреева к семи годам лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

* * *

А теперь вернемся к тому документу, с которого начали этот рассказ. Но сперва небольшой комментарий Г.Ф.Весновской.

- В середине июля 1998 года к нам поступило письмо от сестры Рудольфа Нуреева - Разиды Евграфовой (Нуреевой) с просьбой о реабилитации брата. Как известно, Рудольф Нуреев умер в январе 1993 года и похоронен под Парижем на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Уже будучи тяжело больным, Нуреев трижды приезжал на Родину, в том числе как танцовщик и как дирижер. Гарантии его неприкосновенности были весьма зыбкими, ведь приговора Ленинградского городского суда никто не отменял. Разида Евграфова просила вернуть брату его доброе имя, тем более что осенью этого года в Нью-Йорке состоится презентация книги Дианы Солвей "Рудольф Нуреев" и автор хотела бы внести коррективы, касающиеся несправедливого приговора. Мы рассмотрели это заявление и пришли к выводу, что факт отказа Нуреева возвратиться из-за границы не нанес ущерба государственной независимости или военной мощи СССР, а связанные с этим интервью не содержали враждебной информации, поэтому приняли соответствующее решение, в котором говорится, что на Нуреева распространяется действие Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий".

Итак, Рудольф Нуреев чист. Отныне его имя принадлежит лишь богине танцев Терпсихоре, но никак не богине правосудия Фемиде.